

Александр Крик

Сёма и блохи

12+

Александр Крик Сёма и блохи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25016716

SelfPub; 2020

Аннотация

Незадачливого актёра с позором выгоняют из родного театра. Он не опускает рук и решает открыть свой, но всё оказывается не так просто. И когда надежды уже не остаётся, происходит судьбоносная встреча – встреча с блохой.

Сёма и блохи

Наш главный герой Сёма Петров родился и вырос в посёлке Шилово, что в Рязанской области. Мать Сёмы скоропостижно скончалась, когда ему не было ещё и года. Ей предрекали успешную карьеру балерины, но ради семейного счастья она отказалась от работы в театре, вышла замуж за агронома и переехала в село. Василий Иванович, а именно так звали отца Сёмы, бережно хранил память о супруге и больше не женился.

Сёма рос обычным деревенским мальчуганом, выделяясь среди сверстников лишь тем, что постоянно рассказывал небылицы, да так искусно, что все ему верили. За этакое сочинительство отец неоднократно «выписывал» ему ремня, только это не помогало.

Как-то раз, возвращаясь из школы, Сёма остановился у забора тёти Фроси, засмотревшись на раскидистую яблоню, сплошь увешанную крупными красными плодами. Сёма давно хотел попробовать соседских яблок, но тётя Фрося не оставляла сад без присмотра. И сейчас она не замедлила появиться:

– Ну, что прилип к забору? Чай на мои яблоки метишь?

– Больно они мне нужны, – с деланным безразличием пожал плечами Сёма, – у нас у самих яблок вагон.

Он действительно собрался уйти, но вместо этого вдруг

поведал соседке, что у здания администрации разгружали грузовик с телевизорами. И, мол, эти телевизоры будут раздавать пенсионерам на день посёлка, но на всех точно не хватит.

– Поди, брешешь опять? – усомнилась тётя Фрося.

– Да чтоб мне пусто было! – настаивал Сёма.

Уже через полчаса в поселке только и говорили, что о подарочных телевизорах. Все пенсионеры, во главе с тетей Фросей, двинулись к администрации, взяв зданию плотным кольцом. Глава местного поселения попытался объяснить, что это недоразумение, и никаких телевизоров нет. Но собравшиеся отказывались верить и расходиться по домам: опасались, что технику раздадут своим. Пришлось поселковому главе водить пенсионеров по администрации, открывая даже самые маленькие кладовки и подвал. Односельчане пошумели, поохали, да и разошлись ни с чем.

А в это время Сёма с приятелями с удовольствием жевали соседские яблоки.

Столкнувшись на следующее утро с тетей Фросей, Сёма прикрыл ладошкой рот, чтобы не расхохотаться, и метнулся в ближайший проулок.

– Вот лгун! Бесстыдник! – крикнула вслед ему соседка. – Если не перестанешь врать, тогда узнаешь!..

Но что именно он должен узнать – Сёма не расслышал, так как его настиг приступ дикого смеха.

Прошло три года. Василий Иванович стал председателем совхоза и прочил сыну карьеру тракториста. Но, окончив школу, Сёма твердо решил поступать в театральное училище.

Отец всячески пытался отговорить парня, ругался, кроя матом артистов и "прочих кривляк", а поняв, что это не помогает, пообещал посадить сына под замок. Но Сёма и не думал сдаваться. Улучив момент, пока отца не было дома, он собрал нехитрые пожитки, оставил короткую записку: "Уезжаю в Казань! Хочу стать артистом!" – и был таков.

На попутках Сёма добрался до Казани, где каким-то чудом поступил в театральное училище.

Прочтя оставленную сыном записку, Василий Иванович пришёл в ярость и заявил, что не желает его знать и помогать не будет. Оставшись без материальной поддержки, Сёма был вынужден подрабатывать ночным сторожем в поликлинике. Там он познакомился со студентами медиками, считающими себя анархистами, начал с ними выпивать и прогуливать занятия.

Сёму неоднократно грозились исключить из училища, но всякий раз прощали, веря очередным оправданиям.

Во время учебы Сёма пришёл к выводу, что в современном мире, чтобы быть успешным, необязательно много работать, главное – «поймать волну», прославиться, а потом

получать гонорары.

С горем пополам закончив учёбу, Сёма вместе с закадычным приятелем Гришкой Ключевым устроился артистом вспомогательного состава в Молодёжный театр, где главным художником по костюмам был отец Гришки.

Стремясь всегда быть в центре внимания, Сёма стал за-всегдаем разных тусовок, где то устраивал клоунаду, то громко спорил, а при отсутствии аргументов мог запросто окатить оппонента из пивной кружки или устроить драку.

Директор театра, Виталий Андреевич Ворон, регулярно грозился перевести Сёму в осветители за прогулы и пьяные выходки, но жалел, вспоминая себя в юности.

Однажды утром в кабинете директора Сёма оправдывался за очередную пьяную выходку в фойе театра. Он стоял, понутив голову, в помятом костюме вампира с оторванным рукавом, с остатками грима на лице.

– Виталий Андреевич, это больше не повторится, – лепетал он.

– Я это уже много раз слышал, и больше терпеть не намерен! – кричал директор.

– Я ведь ради искусства старался...

– Значит, напиться и в гриме людей пугать – это, по-твоему, искусство?

– Я в образ входил: мне ведь скоро вампира в детском спектакле играть. А с гардеробщиком я просто пошутить ре-

шил.

– Начнём с того, что это был не гардеробщик, а дьякон, и, скажи на милость, зачем было ему морду бить?

– Откуда мне было знать, что это дьякон? Он в гардеробе в обычной одежде стоял.

– Этот святой человек нашего гардеробщика подменил, чтобы тот матушку свою в больницу свозил.

– Ваш святой человек меня за беса принял, облил чем-то и хотел предать огню, вот и пришлось защищаться.

– Значит, это он виноват?

– Частично.

– Частично! – передразнил директор. – Теперь слушай меня! Со всех ролей я тебя снимаю...

– Но Виталий Андреевич!..

– Всё, хватит! Либо увольняйся, либо пиши заявление на отпуск за свой счет – минимум на месяц. И чтобы завтра духу твоего здесь не было! Свободен.

Поразмыслив над предложением руководства и послушав совета отца Гришки, Сёма согласился на отпуск.

– Да не переживай ты так, – успокаивал его Гриша. – Директор посердится, поворчит, да и забудет...

"Ладно, отдохну. Как-никак, десять месяцев уже отпахал, – размышлял Сёма под стук колёс в плацкартном вагоне. – Да и отца нужно навестить, не виделись почти пять лет. Ещё сами пожалеют, что меня выгнали... Вот возьму и от-

крою свой театр! Пусть тогда локти кусают"...

Мысль о собственном театре пришла ему ещё на втором курсе, но как её реализовать, он не знал.

Приехав в село, Сёма узнал, что отец уже полгода как умер от сердечного приступа, а дом сгорел, и жить Сёме теперь негде. Тётя Фрося рассказала, что колхоз разорился, а отец с горя и запил. Подвыпивши, полез чинить крышу, свалился и сломал позвоночник. После долго болел и постоянно пил. Перед смертью часто вспоминал сына, очень хотел свидеться.

Соседка отдала Сёме всё, что удалось спасти из сгоревшего дома: альбом с фотографиями, ящик со слесарным инструментом да старенький телевизор.

Погоревав немного, Сёма пошёл в поселковую администрацию и, представившись артистом, потребовал предоставить ему дом для проживания и сцену для постановки спектакля.

Новый глава остался глух к нуждам искусства. Однако узнав, что Сёма – сын бывшего председателя колхоза, пообещал поставить его в очередь на квартиру, забыв предупредить, что последние двадцать лет эта очередь не двигалась.

Пришлось Сёме прибегнуть к последнему средству и показать главе муниципалитета сделанное на блошином рынке фото, где он, Сёма, был изображен вместе с Президентом. Увидев снимок, чиновник занервничал и, не желая испыты-

вать судьбу, выдал Сёме ключи от одной из комнат в бывшем сельском клубе.

Клуб представлял собой старое двухэтажное здание, в котором ремонт не делался с момента постройки. На втором этаже уже ютились несколько семей, поэтому Сёме пришлось поселиться внизу, в кабинете завхоза.

Захламленный актовый зал всколыхнул мечты о собственном театре. Сёма разгреб мелкий мусор, залатал дыры в полу. Из сгоревшего отцовского дома притащил уцелевшие доски и соорудил подмости. Тогда встал вопрос с репертуаром, и главная загвоздка для Сёмы оказалась в том, что артист был только один.

«Наконец-то я смогу сыграть главную роль. Но какую?» – с этой мыслью Сёма просыпался и засыпал недели две, но дни шли, а спектакль никак не складывался: то вдохновения не было, то в сон тянуло. Кроме того, у Сёмы заканчивались деньги, а поскольку устраиваться на работу он не хотел, скоро ему пришлось голодать. Наверное, так и умер бы с голоду, если б односельчане не стали приглашать Сёму на свадьбы, именины и похороны. Там ему отводилась роль местной достопримечательности, с которой все обязательно хотели сфотографироваться и выпить.

Однажды проснувшись утром, Сёма с удивлением обнаружил рядом, на старом диване, худую дворнягу: видимо, увяла за ним вчера, а он спьяну и не заметил. Сначала Сёма

хотел прогнать пса, но посмотрел в грустные глаза и решил: пусть пока остается.

Хозяева банкета, как обычно, снабдили Сёму едой – принесенная вчера сумка была наполнена плотными свертками. Сёма выложил на стол половину жареной курицы, большой кусок рыбного пирога, мясную нарезку и пирожное. Курицу и пирог он по-братски разделил с не помнящей себя от счастья собакой.

Сёма смотрел на уплетающего угощение пса, когда сильно зачесалась лодыжка. Приглядевшись, Сёма обнаружил блоху. Он хотел прихлопнуть кровососа, но промахнулся – вертлявая блоха совершила прыжок с тройным переворотом и принялась прыгать по комнате. Пытаясь её поймать, Сёма врезался головой в старый трехстворчатый шкаф, да так сильно, что зеркало треснуло, и несколько осколков упало на пол.

– Ай-ай, – запричитал Сёма, потирая ушибленную голову. И тут его осенило: а что, если поставить спектакль про блоху? Не зря же он всю последнюю неделю в театре репетировал роль вампира, вживался в роль, только что кровь не пил... А с блохой может получиться современно, вызывающе! И, главное, такого на сцене ещё никто не ставил!

Недолго думая, Сёма приступил к репетициям. Из подручного материала соорудил костюм блохи и начал импровизировать, прыгая по залу бывшего клуба и поднимая об-

лака пыли.

На следующий день, поздно вернувшись с чьих-то имений, он долго не мог попасть ключом в замочную скважину. Его мутило, сильно болела голова.

– Неужели водка палёная? – пробормотал Сёма.

Последнее, о чём он успел подумать, войдя в дом, что впопру ставить пьесу Горького «На дне». И отключился.

Очнулся Сёма на огромной площадке, ни конца ни края которой не было видно.

– Как же я здесь оказался? – изумился он.

Сёма поднялся и попытался сделать шаг, но вместо этого неожиданно высоко подпрыгнул – так, что аж дух захватило. Потом ещё раз и ещё.

– Что это со мной? Неужели белая горячка? – испугался Сёма. – Так, нужно успокоиться...

Прыгая, он вдруг увидел гигантское зеркало, лежащее прямо на земле.

– Странно, откуда здесь зеркало? – удивился Сёма.

Запрыгнув на зеркальную поверхность, он посмотрел вниз и увидел чудище из фильма ужасов. И это чудище смотрело прямо на него.

Сёма отпрянул, спрыгнул с зеркала и забился под лежащее рядом бревно. Просидев там минут десять, он осторожно выглянул и, никого не обнаружив, снова взобрался на зеркало.

И опять увидел то же отвратительное существо. На этот раз, сдерживая страх, Сёма внимательно рассмотрел отражение.

Существо, походившее на инопланетянина, имело шесть лап, все его тело покрывали многочисленные шипы и щетинки. На небольшой покато́й голове возвышались две антенны, изо рта торчали мерзкого вида щупики.

Сёма пошевелился – и "инопланетянин" тоже, тогда Сёма подпрыгнул на месте – и чудище подпрыгнуло вместе с ним. Он влево – и оно тоже, он закрутился на месте – и оно повторило за ним.

Наконец Сёма догадался, что это чудище – он сам.

– Как же так получилось? – запричитал он. – Может, я сплю? За что мне такое наказание? И что теперь со мной будет?

– Эй, ты что тут делаешь? – прервал его стенания чей-то голос. Сёма поднял голову и увидел прямо перед собой существо, похожее на то чудище в зеркале – вернее, на него. – Что-то я тебя тут раньше не замечала.

– Это вы мне? – с трудом выговорил Сёма.

– А кому ещё? Кроме нас тут, вроде, никого больше нет.

– Я... это... заблудился, – по привычке соврал Сёма и добавил: – Извините, а вы кто будете?

– Кто-кто? Блоха, конечно. А зовут меня Ая, – представилось чудище и подпрыгнуло к нему ещё ближе.

– Блоха? – удивился Сёма, немного отодвинувшись. – Не может быть!

Ая сокрушенно пошевелило щупиками:

– Странная ты какая-то, кума...

– Вообще-то я мужчина, артист театра, – обиделся Сёма. – Вот, приехал развеяться, свежим воздухом подышать, набраться вдохновения...

– Прости, кум, не признала. А ведь моя прабабка знатной театралкой была, – сказала блоха.

– Бреешь! – с сомнением покачал головой Сёма.

– Да чтоб мне крови больше не пить, если вру! – возмутилась Ая. – Прабабка всю жизнь в партере в спинке кресла просидела.

– И что она там делала?

– Что, что... Кровь пила. Да так ловко, что люди даже не замечали: она все спектакли наизусть выучила, и кусала на самом интересном месте.

– Откуда же ей было знать, когда – самое интересное?

– Эх, ты! Нам ли, блохам, этого не знать? У людей в этот момент кровь в жилах стынет, и они ничего не чувствуют. Кусай, сколько хочешь! Кстати, ты где остановился?

– Пока нигде, я недавно приехал.

– Тогда приглашаю в гости, я тут недалеко живу, – сказала блоха.

"Почему бы нет? – подумал Сёма. – Хуже-то уже не будет". И попрыгал вслед за новой знакомой.

Вскоре они добрались до горы, покрытой лесом, которая оказалась всего лишь спавшей под столом дворнягой.

– Вот мы и пришли, – сказала Ая. – Запрыгивай, сейчас представлю тебя уважаемой публике.

– Рад буду познакомиться, – приободрился Сёма.

Первой, кого они встретили на собаке, была вошь.

– А вот и наш знаменитый скрипач Ворсянка, – гордо представила ее блоха.

– Очень приятно! – неуверенно сказал Сёма.

– Ворсянка, сыграй что-нибудь для гостя!

Вошь молча взгромоздилась на собачий волос и начала елозить по нему ножкой, издавая жуткие звуки.

С трудом дослушав сие музыкальное произведение, Сёма по привычке стал фальшиво восторгаться: «Изумительно, волшебнo, замечательно!»

Ворсянка, польщенный таким вниманием, ещё сильнее начал теревить ножкой волос. И вдруг всё вокруг пришло в движение! Прямо перед Сёмой разверзлась огромная пасть, которая клацала зубами, пытаясь их поглотить.

– Спасайся! – вскрикнула Ая, и Сёма, едва увернувшись от собачьих клыков, увидел, как его новые знакомые бросились в разные стороны. Потом всё стихло.

Лишь придя в себя и отдышавшись, Сёма осознал, что едва не был съеден собственной собакой.

Стараясь не шуметь, Сёма осторожно пополз вверх. Оказавшись неподалеку от собачьих ушей, Сёма заметил другую блоху, которая прыгала с одного уха на другое.

– Вы что здесь делаете? – любопытно спросил Сёма.

– Не видишь, что ли? Тренируюсь, – ответила прыгунья. –

Я – чемпионка по прыжкам!

– Позвольте узнать, каков ваш личный рекорд? – из вежливости поинтересовался Сёма.

– Тридцать пять в длину и двадцать семь в высоту.

– А это много? – озадачился Сёма.

– Сейчас покажу, – и блоха, что было силы, прыгнула вверх.

В это время собака встала и двинулась в сторону входной двери, оставив прыгунью за бортом.

– Тоже мне чемпионка, – хмыкнул Сёма и отправился дальше.

У собачьей шеи он наткнулся на десяток блошек, сидящих кружком вокруг одной жирной блохи.

– Привет,дохлый! – подозрительно приветствовала его толстуха.

– Разве мы знакомы? – осторожно поинтересовался он.

– Он не узнаёт свою Королеву! – возмутилась одна из блох. – Хватайте его!

И тут же остальные блохи набросились на Сёму.

– Ой-ой, братцы, за что? Я ведь свой! – истошно завопил зажатый со всех сторон Сёма.

– И откуда же ты здесь взялся? – подозрительно спросила Королева.

– Я из Казани прибыл, по обмену опытом, – не моргнув

глазом, соврал Сёма.

– Ладно, отпустите его пока, – приказала толстая блоха. – Что, прямо оттуда – и к нам?

– Так получилось, я не планировал... – начал мямлить Сёма.

– Ладно, давай сначала подкрепимся за знакомство, а потом расскажешь всё по порядку.

В животе у Сёмы давно уже урчало от голода.

– Да, неплохо бы перекусить, – подумал Сёма. – А что есть будем?

– То же, что и всегда. Еда-то ведь прямо под лапами!

И с этими словами Королева и сидящие рядом блохи разом впились в собачью шкуру.

Бедный пес отчаянно взвыл и снова начал клацать зубами, пытаясь изловить своих мучителей.

– Бежим! – взвизгнула Королева, и все бросились врассыпную.

– Всё, хватит с меня этих музыкантов, чемпионов, королев! – думал чудом спасшийся Сёма, пробираясь сквозь заросли шерсти.

Всю ночь он брёл по шерстяным джунглям, пока, уставший и голодный, не оказался на собачьем хвосте, где столкнулся с крохотной блошкой.

– Можно я здесь с тобой побуду? – осторожно спросил Сёма.

– Побудь, – ответила блошка.

– Как тебя зовут?

– Тоши.

– А меня Сёма.

– Красивое у тебя имя, только странное, – сказала Тоши.

– Почему?

– Какое-то оно не блошиное.

– Это потому что я человек. В смысле, был им ещё вчера.

– Не может быть?! – удивилась Тоши.

– Я даже в театре работал, – печально сообщил Сёма.

– Здорово!

– Только из театра меня выгнали...

– А за что?

– За драку в театральном фойе, – вздохнул Сёма.

– А как же ты блохой стал?

– Честно говоря, сам не знаю. Вернулся в родной посёлок, хотел театр свой открыть, а вместо этого запил и, вот, превратился в блоху.

– Феноменально!

– Чего же здесь феноменального?

– Мне, чтобы стать блохой, десять лет понадобилось, лучшие генетики мира работали. А ты вон раз – и блоха!

– Ну точно палёная водка была, – задумчиво произнёс Сёма.

– О чём это ты?

– Да это я так, мысли вслух.

– Это же большая удача! – почти не слушая его, продолжала восторгаться Тоши. – Да тебе за это Нобелевская премия полагается! Жаль только, что о наших достижениях в генетике так никто и никогда не узнает...

– Постой, ты что, тоже была человеком? – не поверил Сёма.

– Была, – грустно вздохнула Тоши.

– Что-то не верится... И что с тобой случилось?

– В лаборатории, где я работала, мы занимались восстановлением популяций вымерших насекомых. А ещё экспериментировали с генами, превращая стрекоз в бабочек, жуков – в червей. Однажды я плохо закрыла контейнер с мутировавшими блохами, и одна из них укусила меня в ногу. Мне стало плохо, я потеряла сознание, а когда очнулась, то поняла, что превратилась в блоху.

– Погоди, погоди, а ведь меня тоже незадолго перед этим блоха кусала, – припомнил Сёма.

– Интересное совпадение. Может, у вас тоже такая лаборатория есть? – спросила Тоши.

– Не знаю, возможно. А где была твоя лаборатория?

– В Токийском университете.

– Да ну? – удивился Сёма. – Ты, наверное, что-то путаешь.

– Почему?

– Где Токио, и где наше Шилово?

– Тут всё просто. В Россию я приехала в подкладке шляпы одного из наших профессоров, прибывших в Москву на

симпозиум. Но во время прогулки по вашей столице шляпу профессора унесло ветром. Чтобы не погибнуть, мне пришлось пересечь на первую попавшуюся собаку.

– Это была моя собака, – вздохнул Сёма.

– Ух ты! – обрадовалась Тоши. – Любишь животных?

– Да... – как-то неуверенно ответил Сёма.

– Я тоже, – подхватила Тоши. – У нас дома жили два бобтейла – это порода кошек такая – и я их обожала... – Тоши печально вздохнула: – Как они там без меня?

– Да что им будет, – проворчал Сёма, – сидят, поди, сейчас твои бобтейлы на диване, трескают колбасу со сметаной и в усы не дуют.

– Нет, они такое не едят. Им нужна только свежая морская рыба.

– Да, от свежей рыбки и я бы сейчас не отказался, – вздохнул Сёма.

– Да... – Тоши тоже вздохнула. – Сейчас вспомнила про наш дом, и так захотелось снова стать человеком.

– Зачем?

– Родителей жалко. Они, наверное, с ума сходят. Ищут меня.

– Тебя-то хотя бы ищут...

– А тебя?

– А у меня никого нет. Мать вообще не помню, а отец недавно умер.

– Прости, я не знала.

– Да всё нормально. И вообще: уж лучше я блохой останусь, – твердо добавил он. – Я всё равно человеком никому не нужен. Никто меня не ждёт, из театра выгнали, поставить свой спектакль не смог. Я – неудачник, а значит, моё место здесь, среди кровососов.

– Зачем ты так?

– Прости, – вздохнул Сёма, – погорячился... – И, помолчав, пробормотал: – Странно... Вот поговорил с тобой – и как-то на душе легче стало, хотя не знаю, есть ли она у блох – душа, в смысле.

– Мне тоже с тобой приятно общаться, – заверила Тоши. – И вообще: сегодня лучший день за всё время, с тех пор как я стала блохой.

– С чего бы это? – удивился Сёма.

– Теперь я не одна. Хотя... понимаю, это звучит эгоистично. Но я рада, что ты здесь.

– Честно говоря, я тоже отчасти этому рад, – вдруг признался Сёма. – Только сейчас понял, какой же сволочью был раньше.

– Нет, ты хороший, – вдруг сказала Тоши. – Встретиться мы людьми, обязательно бы подружились.

– Ну, это вряд ли.

– Почему?

– Я за границей ни разу не был.

– Ты бы стал артистом мирового уровня и обязательно приехал в Токио с гастроями!

– Слабо верится, хотя... Потенциал у меня есть, – смущенно пробормотал Сёма и по привычке почесал передней лапкой голову.

– Мне кажется, я знаю, как вернуть нам человеческий облик, – задумчиво сказала Тоши. – Но для этого, мне нужно оказаться в лаборатории, в Токио.

В это время оголодавшая собака, на которой они сидели, выбежала в общий коридор. Виляя хвостом, псина подошла к соседке Сёмы, которая развешивала бельё.

– Фу, фу, иди отсюда! – женщина замахала руками, пытается отогнать животное. – Федя, Федя! – позвала она мужа. – Ну сделай ты что-нибудь! Митьку вчера опять блохи покусали, они явно с этой псины сыплются.

Из соседской комнаты показалось небритое лицо Федора, которого отвлекли от футбола. Он зло схватил собаку за ошейник и начал обильно обрызгивать её аэрозолем. Струя антиблошиного спрея попала и на собачий хвост. Собака взвыла, начала кашлять, а потом, куснув соседа за руку, вывернулась и, заливаясь, громким лаем, бросилась бежать.

Перед глазами Сёмы все темнело и расплывалось. Он почувствовал, что вот-вот "отключится".

– Похоже, нас отравили, – заплетающимся языком сказал он. – Надо бежать...

Но было поздно. Глаза Тоши помутнели, она стала медленно заваливаться на бок. Сёма попытался подхватить её,

но не удержался и вместе с нею свалился с собаки на пол, тут же потеряв сознание.

Открыв глаза, Сёма понял, что лежит на полу, а собака лижет ему лицо. От псины исходил резкий запах противоблошиного спрея. Сёма поднялся, потрепал пса по загривку и с удивлением уставился на свои руки и ноги.

– Я – человек? – негромко сказал он. И ещё больше удивился, услышав собственный голос. – Так, стоп, а может, и не было ничего? А вчера я просто хватил лишнего, и всё это мне приснилось?

Сёма сел на табурет, обхватив руками голову, осмотрелся и, спохватившись, начал шарить взглядом по полу, пока не заметил рядом малюсенькую чёрную точку. Это была блоха.

Опустившись на колени, он аккуратно поднял насекомое и положил на ладонь. Блоха едва шевелилась.

"А вдруг всё было на самом деле, и это – Тоши? – подумал Сёма. – Нет, не может быть, это просто обычная блоха!"

Комната была завалена обрывками старых газет, ключьями собачей шерсти и прочим мусором. Сёма положил блоху на лист бумаги, взял веник, совок и начал подметать. Вдруг что-то звякнуло, и Сёма увидел в совке маленький осколок зеркала.

– А не то ли это зеркало, в которое я смотрелся, будучи блохой? – пробормотал Сёма.

Он подошел к столу, глянул на блоху.

– Что же делать?

И тут его осенило: ей надо подкрепиться! Сёма поднял осколок зеркала и кольнул себе ладонь. На коже выступила капелька крови, которая упала на бумагу. Сёма пододвинул блоху к этой капле.

– Похоже, я сошёл с ума, – сказал он вслух.

Покопавшись в стопках макулатуры под лестницей, он отыскал пожелтевший от времени чистый лист бумаги. Те временем блоха оживилась и, когда Сёма вернулся, попыталась упрыгать. Но она всё ещё была слабой, и поймать её оказалось несложно.

Сёма сложил лист бумаги пополам, крупно написал на нём английскими буквами имя Тоши и вложил в него блоху. Затем вытащил из-под шкафа «заначку», оставшуюся с последнего корпоратива, и отправился на почту. Оттуда позвонил своему другу Гришке и попросил узнать, как написать в Токійский университет. Тот сильно удивился, но через десять минут перезвонил и продиктовал адрес. Тогда Сёма купил конверт и несказанно поразил почтового работника, отправляя письмо в Японию.

Пару дней спустя Сёма уже работал дворником в школе. Он завязал с алкоголем, начал читать классику и вечерами что-то репетировал. Односельчане не оценили его тягу к здоровому образу жизни и перестали приглашать на мероприятия. Однако Сёму это не расстроило. Наоборот, он стал ча-

ще улыбаться людям, старался всем помочь. Тёте Фросе починил крышу дома, соседям поправил покосившийся забор, заменил деревянный крест на могиле отца на добротный памятник и мог подолгу стоять рядом с ним, о чём-то негромко рассказывая. Осенью, скопив денег, он купил билет на поезд, вернулся в Казань и пошёл в театр.

– Кого я вижу! – с наигранным воодушевлением приветствовал его директор. – Как дела, Сёма?

– Спасибо, Виталий Андреевич, всё хорошо.

– Ты где так загорел? Никак на югах был?

– Почти, – пожал плечами Сёма, всё лето отработавший на школьном дворе.

– Рад за тебя. Так ты в гости к нам зашёл?

– Мой отпуск закончился. Разрешите выйти на работу.

– Сёма, какая работа? Тебя почти год не было!

– Возьмите меня обратно: осветителем, дворником или ещё кем-нибудь. Нет мне жизни без театра!

– Да куда я тебя возьму? – вздохнула директор. – У нас нет вакансий, и вообще... Худрук сказал: если увижу тебя – гнать взашей.

– Может, мне через месяц зайти? Вдруг что-нибудь появится? – уже почти не надеясь, проговорил Сёма и, не дождавшись ответа, понуро поплёлся к выходу.

– Подожди! – крикнул ему вслед директор. – Хотя я ещё, наверняка, пожалею об этом... Могу взять тебя временно на

место Афанасия Жирных: он давеча ногу сломал, а мы новый спектакль «Левша» поставили, в котором он исполнял роль блохи. Возьмешься? – директор, испытующе взглянул на Сёму.

– С большим удовольствием, – закивал тот.

– Ну вот и славно. Завтра репетиция в одиннадцать. Смотри, не опаздывай!

Прошло пять лет. Сёму было не узнать: он мог сутками работать над ролью, оттачивая самые незначительные моменты, доводя её до совершенства. Его взяли в штат и стали доверять главные роли. Сёма даже принял участие в постановке двух спектаклей, которые были с восторгом приняты критиками.

– Нашего Сёму словно подменили, – шептались в театре.

Как-то раз директор объявил общий сбор труппы.

– Как вы знаете, – начал он, – наш театр остро нуждается в реконструкции, средств на которую ни у нас, ни в городском бюджете нет. Мы не сможем открыть следующий сезон, если не найдем финансирование.

– А что же будет с нами? – спросил один из артистов.

– Придется распустить труппу и обивать пороги кабинетов в поисках денег. И последнее на сегодня: мы закрываем сезон спектаклем «Левша». К нам приезжают японцы, и они очень хотят посмотреть именно эту постановку.

В день закрытия театрального сезона зал был переполнен. В партере сидела небольшая делегация иностранцев.

Сёма показался в спектакле лишь пару раз, играя блоху. Однако после представления к нему подошёл директор:

– Сёма, с тобой хотят пообщаться наши японские гости.

– А почему со мной? – удивился Сёма.

– Сам не знаю, – пожал плечами директор, – говорят, что ты шедеврально исполнил танец блохи.

– Мне, конечно, приятно это слышать, но у нас есть гораздо более талантливые актеры.

Виталий Андреевич пожал плечами:

– Хотят видеть именно тебя.

Сёма проследовал за директором в его кабинет. За богато накрытым столом сидели трое японцев: пожилая пара и молодая женщина. Когда они вошли, все трое поднялись и почтительно поклонились.

– Добрый вечер! – с лёгким акцентом сказала молодая женщина, – Меня зовут Крис, я переводчик. А это – господин Йошира Накано и госпожа Така Накано.

– Семен Петров. Приятно познакомиться, – сказал Сёма, глубоко поклонился и присел за стол. Сердце ёкнуло – он невольно вспомнил Тоши.

– Господин Йошира спрашивает, не желаете ли вы попробовать саке. Он специально привёз несколько бутылок из Токио. – перевела его размышления Крис.

– Передайте господину Йошира мою благодарность за предложение, однако я предпочту выпить зеленого чая, – ответил Сёма.

– Госпожа Така говорит, что восхищена вашей игрой.

– Спасибо, конечно, но моё выступление длилось не больше минуты.

– Не скромничайте, этого вполне достаточно, чтобы разглядеть талант, – улыбнулась переводчица.

– Но почему танец блохи так впечатлил госпожу Таку? – спросил Сёма.

– Господин и госпожа Накано – владельцы одной из крупнейших в Японии фармацевтических корпораций, а прошлом ученые энтомологи, они отлично разбираются в насекомых.

Сёма почувствовал, как к горлу подкатил ком. «Не может быть», – мелькнуло у него в голове.

– Что-то не так? – встревоженно спросила Крис, глядя на побледневшего Сёму.

– Нет, нет, всё хорошо, просто вспомнилось кое-что, – очнулся Сёма. – А что касается исполнения роли блохи, которое вас так впечатлило... то, возможно, это всё потому, что когда-то я сам был блохой.

– Наверное, вы шутите? – улыбнулась Крис.

– Скажите, а Крис – это ваше настоящее имя? – едва сдерживая волнение, спросил Сёма.

– Да, Крис – это моё настоящее имя. А почему вы об этом

спросили?

– Передайте нашим гостям моё глубокое почтение, – уклонился от ответа Сёма. – Скажите, что было очень приятно с ними познакомиться, но мне пора идти.

Он встал, поклонился и направился к выходу.

– Сёма у нас ещё тот юморист... – начал было директор, пытаясь отвлечь японцев, но в это время японская чета что-то коротко сказала переводчице.

– Господин Петров, подождите! – окликнула Сёму Крис. – Госпожа Така приглашает вас завтра к ним на ужин.

– Я боюсь показаться невежливым, но...

– Она очень просит вас, – перебила Крис. – Да, вот ещё что, – продолжила она, видя нерешительность Сёмы. – Господин Йошира просит передать, что вопрос с финансированием вашего театра решен, благотворительный фонд Накано возьмет на себя все расходы по ремонту.

После этих слов директор чуть не поперхнулся sake.

– Спасибо, – после паузы сказал Сёма. – Передайте, пожалуйста, госпоже Таке, что я приду на ужин.

Когда Крис перевела ответ Сёмы, японцы вежливо поклонились и молча ушли. Только Крис задержалась в дверях:

– Завтра, в восемь вечера, за вами пришлют машину. Будьте готовы.

Как только за иностранными гостями закрылась дверь, директор достал из шкафа бутылку коньяка, налил полстакана

и, залпом выпив, пустился в пляс, напевая что-то, отдаленно напоминающее лезгинку.

– Я всегда знал, что ты, Семён хороший артист. Но то, что ты ещё и отличный переговорщик, стало для меня открытием! – прокричал он, запыхавшись.

– Вообще-то я ничего такого не сделал, – растерянно пробормотал Сёма.

– Честно говоря, я тоже ничего не понимаю. Но чем-то ты зацепил этих японцев! – продолжая отплясывать, выкрикивал директор. – Теперь можешь расслабиться. Дело сделано, фонд даст нам деньги, а это значит... – директор остановился и поднял указательный палец вверх.

– Что значит? – спросил Сёма.

– В следующем сезоне роль Гамлета твоя!

– Спасибо, но мне кажется, я не совсем готов...

– Вот за это я тебя и ценю, Сёма! – сказал изрядно захмелевший директор. – Ладно, иди, пока я не передумал.

Сёма ушёл, а директор продолжил вытанцовывать.

На следующий день вечером Сёма надел свой единственный выходной костюм и в ожидании нервно расхаживал по комнате. Ощущение того, что встреча с Накано неслучайна, и он может узнать что-нибудь о Тоши, не покидало его.

Ровно в восемь в домофон позвонили.

– Добрый вечер! – раздался приятный мужской голос. – Я от господина Накано. Вы можете спускаться.

Водитель услужливо открыл перед ним дверь большого чёрного Кадиллака с дипломатическими номерами. Через сорок минут машина подъехала к двухэтажному загородному особняку, где обычно размещали иностранные делегации.

На пороге Сёма встретил дворецкий, который провёл его в большой гостевой зал. Там уже сидели пара Накано и Крис. Все трое встали и приветственно поклонились, Сёма поклонился в ответ.

– Добрый вечер, господин Петров, – с улыбкой на лице приветствовала его Крис. – Мы рады видеть вас. Прошу, присаживайтесь. Госпожа Така специально для вас приготовила наши традиционные блюда: суп мисо, отварные креветки, запеченный тунец и сладкое вагаси.

Сёма кушал и нахваливал, Крис переводила комплименты хозяевам, которые в ответ лишь сдержанно улыбались и кивали.

Закончив с едой, Сёма негромко обратился к Крис:

– Так о чём со мной хотели поговорить?

– Расскажите о том, как вы были блохой, – ответила переводчица.

– Зачем вам это?

– Это очень важно для госпожи Таки и господина Йошира.

– Скажите, Крис, – Сёма понизил голос, – вы что-нибудь знаете о Тоши?

– Обещаю, вы скоро всё узнаете. А сейчас Накано ждут

вашего рассказа.

– Ну, хорошо, – пожал плечами Сёма. – Надеюсь, меня не примут за сумасшедшего... – и он рассказал своё странное видение от начала и до конца.

Рассказ Накано выслушали напряженно, изредка взволнованно переглядываясь. А в финале госпожа Така осторожно вытерла слезу.

– Что случилось? Неужели я обидел госпожу Таку? – забеспокоился Сёма.

– Нет, нет, всё хорошо, – сказала Крис. – Спасибо, господин Петров, вы нам очень помогли.

– Чем?

Вместо ответа пара Накано встала, вежливо поклонились и торопливо удалились.

– Ничего не понимаю, – пожал плечами Сёма.

– Господин и госпожа Накано просят прощения, но им нужно побыть наедине.

– Наверное, я зря им всё это рассказал...

– Дело совершенно не в вас, господин Петров. Скоро вам всё станет понятно, – Крис взяла со стола плотно запечатанный пакет и протянула Сёме.

– Что это? – удивился он.

– Вы всё поймете, когда откроете его. Машина увезёт вас обратно, – и с этими словами она удалилась.

Вернувшись домой, Сёма положил пакет на стол и дол-

го смотрел на него, не решаясь вскрыть. Он чувствовал, что здесь кроются ответы на многие его вопросы, которые годами не давали покоя.

Наконец подойдя к столу, он вскрыл пакет и побледнел.

Внутри оказался старый конверт, в котором он когда-то отправил блоху в Токийский университет. К нему прилагалось письмо на русском языке:

"Здравствуй, дорогой Сёма! Благодаря тебе я добралась до своей лаборатории, нашла антидот и снова стала человеком. Но превращение прошло неудачно, и скоро меня не станет. Близкие мне люди не верят в то, что со мной случилось. Они думают, что я всё придумала. Одна надежда на тебя.

Только недавно я поняла, что ты стал блохой, потому что это я тебя укусила. Прости!

Если ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет, а мои родители нашли тебя, и ты им всё рассказал. Спасибо за то, что исполнил мои мечты: помог вернуться домой и рассказал моим родителям о нашей встрече. Теперь они знают, что я говорила правду. Я тоже хочу тебе помочь. У тебя будет ещё один шанс, непусти его.

Тоши".

Ещё в пакете Сёма обнаружил несколько фотографий Тоши и чек на миллион долларов от фонда Накано.

Всю ночь Сёма раз за разом перечитывал письмо, глядя на

фото красивой, улыбающейся молодой японки, вспоминая подробности их мимолетного, но незабываемого знакомства.

Ранним утром он без приглашения явился к чете Накано, прихватив своего старого пса, благодаря которому они с Тоши и познакомились. Накано приняли Сёму как родного, а он снова в мельчайших деталях рассказывал историю знакомства с Тоши. Вместе они смеялись и плакали. Со слов Накано, дочь очень тепло отзывалась о нём, а они ей не верили. Перед смертью Тоши завещала им найти своего друга и осуществить его мечту.

Прошло два года. По засыпанной листопадом улице посёлка Шилово шли мама с дочкой лет восьми.

– Мам, а что это за красивый дом? – спросила девочка. – Раньше здесь его не было.

– Это наш новый Дворец культуры, – ответила мама.

– А что там делают?

– Танцуют, играют и поют.

– Я тоже хочу!

– Извините, – женщина обратилась к стоящему у входа статному мужчине, – можно записать дочку в танцевальный кружок?

– Конечно, можно. Приводите её и сами приходите. Мы открываемся через две недели и будем всем рады. – Незнакомец улыбнулся девочке и обвел жестом здание: – Нравится?

– Очень нравится – серьёзно ответила та.

– Осталось только придумать, как его назвать...

– А назовите его "Мечта", – не задумываясь, сказала девочка.

– "Мечта"? – удивился мужчина.

– Она всегда хотела научиться танцевать, – вмешалась в разговор мама. – Раньше у нас здесь школы танцев не было, а в город я её возить не могу. Теперь её мечта осуществится.

Девочка с мамой пошли дальше, а Сёма ещё долго стоял у Дворца своей мечты и задумчиво улыбался, глядя им вслед. У его ног сидела старая дворняга, щурясь в лучах осеннего солнца.